

Ованес Григорян

И вот я снова говорю о войне,
и снова отец мой, весь израненный,
стонет сквозь эти строки,
и снова мы, дворовая ребятня,
бежим за духовым оркестром
по городу первых мирных маев.
Как долго в те годы длились демонстрации
и как медленно двигались колонны людей!..
Но как могли двигаться быстрее
одноногие люди на костылях,
как могли двигаться быстрее
пусть даже на двух ногах,
когда обе — протезы,
как могли двигаться быстрее
бледные, высохшие женщины,
качавшиеся от недоедания?
И медленно двигались колонны,
и звякали монотонно медали,
и цокали по асфальту протезы...
И вот я снова говорю о войне...
Пусть прочитают это стихотворение,

сквозь строки которого глухо
стонет отец мой, обхватив
ладонями вечно болящую голову...
Пусть услышат мой голос, который
тут же сипнет, когда я встречаю
в лабиринте воспоминаний себя самого,
спящего в брюках залатанных вместе с друзьями
среди костылей и протезов,
с восхищением глядя,
как мастерски зажигают спичку однорукие люди,
бережно заправив в карман пиджака
пустой рукав...
А когда вместе с детским восторженным криком
разрезая густую вечернюю тьму,
в небо взлетали огни салюта
красно-зеленые...
мужчины на костылях, скрывая слезы...
...красно-зеленые...
оплакивали беззвучно...
...красно-зеленые...
жизни свои погубленные...
...красно-зеленые...

Перевел Армен Меружанян